

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 330.101

DOI: 10.17223/19988648/45/1

В.З. Баликоев

В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ДОЛЖНА ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ НАУЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

В статье рассматривается связь между терминологией экономических наук и методологией исследования. Утверждается, что терминологические особенности свойственны каждой методологии и выражаются парадигмой того или иного экономического учения. Точная однозначно понимаемая научная терминология является признаком хорошо развитой научной теории, ее методологии и парадигмы. Научообразность, витиеватость изложения и схоластика начинаются там, где нечетко и неясно выражены термины, методология и парадигма теории.

Ключевые слова: терминология, метод, методология, парадигма, категория, научное познание, научная революция.

Предлагаемая читателю тема постоянно витает как некое проклятье над общественными и гуманитарными науками. Когда в тексте добротной научной работы вдруг встречаешь строки: «Под парадигмой автор данной работы понимает...», становится грустно. Потому что под парадигмой надо понимать то, что оно означает изначально и ничего другого. Собственно, это касается абсолютно всей научной терминологии. Иначе в их смысл или содержание натолкают все, что вздумается авторам, в соответствии с тем, как они понимают содержание термина. Конечно, терминология развивается и со временем содержание отдельных понятий меняется или наполняется новыми нюансами. Например, термины «платежеспособность» и «кредитоспособность». Но в целом научная терминология обладает устойчивым содержанием, чистоте которого посвящается данная статья.

Когда-то автор этой работы проблему терминологии в экономических науках назвал «тиранией слов» [1, с. 32] и писал о ней как о проблеме именно экономической теории. На самом же деле проблема оказалась не только общенаучной, но и давней. «Придавая терминам разные оттенки и вкладывая в них различное содержание, историки превращают их в многозначные слова. На первых стадиях этого процесса еще можно понять своего собеседника исходя из контекста, интонации, ситуации, при которой происходит диспут, но на последующих фазах и эта (неудовлетворительная) степень понимания исчезает. Конечно, нам могут возразить, что можно условиться о терминах, но количество понятий растет прямо пропорционально накоплению информации, появляются все новые термины, кото-

рые при отсутствии системы становятся многозначными (полисемантичными) и, следовательно, негодными для целей анализа и синтеза» [2, с. 28]. Трудно не согласиться с Л.Н. Гумилевым, признанным Британской королевской академией самым просвещенным человеком XX в.

Известно, что любая серьезная книга – это прежде всего терминология – понятийный аппарат, с помощью которого автор пытается объяснить читателю предмет своих размышлений. Довольно часто различия между методиками, предлагаемыми теми или иными авторами, их понимание предмета исследования объясняются не фактическими отличиями в их методологии, а использованием разных терминов, определяющих по существу одинаковые научные и хозяйственные факты.

Казалось бы, все ясно. Но нет. Некоторые ученые-экономисты пытаются заработать себе научный авторитет, подвергая сомнению содержание даже давно устоявшихся в науке терминов. Так, например, профессор В.В. Афанасьев с соавторами пишет: ««Методология» выступает как одно из самых неопределенных, многозначных и подчас спорных понятий. Неясность начинается с самого понятия «методология» [3, с. 7]. Значит, авторам этой работы, посвятившим проблемам методологии учебное пособие в 154 страницы, даже самим не все ясно. Авторам не ясно, что не надо писать крайне заумно и витиевато, иначе вообще никому ничего в области методологии не будет понятно. Другой пример того, как не надо писать, особенно если это предназначено бакалаврам: «Предмет и задачи методологии научного познания – выявление, описание и классификация множества методов получения, организации и обоснования научного знания, исследование познавательных возможностей и области применения каждого из них, исследование методологических аспектов истинности и динамики научного знания. Основными категориями методологии научного познания являются: научное познание, научное знание, структура научного знания, научная познавательная деятельность, научная рациональность, научный метод, научная истина, научный объект, субъект научного познания, динамика научного знания, закономерности развития научного знания» [4, с. 22]. Автор данной работы, как мне представляется, постоянно употребляя и применяя термин «научное», надеется придать своему учебному пособию особую научность. По его мнению, выходит, что основными категориями методологии научного познания являются «научное познание» и «научное знание». Дискутировать с Лебедевым бессмысленно, так как в его работе преобладает «масло масляное». К сожалению, современная научная и учебная литература изобилует такими «научными» и учебными работами. Много экономистов и вообще гуманитариев грешат этим. Им, наверное, неизвестно понятие «бритва Оккама»: «Не умножай сущности сверх необходимого». Бритва Оккама говорит исследователю – если существует более простое объяснение, незачем прибегать к объяснению более сложному. То же самое чеканно утверждает человек, выдающийся представитель восточных единоборств, знаток древней китайской философии – Брюс Ли: «Настоящее совершенство стремится к простоте. Пиком разви-

тия является простота». Действительно, сказано гениально. Стремление к простоте должно возникать у исследователя на уровне интуиции или подсознания. Это стремление должно стать инстинктом исследователя.

Интересно, что по этому поводу думают авторы учебников по экономической теории, назвавшие свои учебники: «Экономическая теория», «Экономикс», «Экономика», «Курс общей экономики», «Курс экономики» и т.д. Ведь все эти учебники излагают одни и те же проблемы политической экономии, микроэкономики, макроэкономики и мировой экономики. То есть предмет науки один, а названия учебников разные. Из приведенных выше названий учебников наиболее абсурдным, нелогичным и абстрактным содержательно является самое распространенное из них – «Экономика». В такой же формулировке она закреплена и в программах высшего профессионального образования Российской Федерации.

Разберемся с этой терминологией не формально, а содержательно. Ведь просто некоей абстрактной «экономики» в природе не существует. Так же как и «истории». Термины «экономика» и «история» сами по себе, без определения признака предмета, ни о чем не говорят. Но, если определить признак предмета, картина тут же меняется: «История Древнего мира», «Новейшая история» или «Национальная экономика», «Экономика образования», «Экономика предприятия» и т.д. С такими говорящими названиями дисциплин все ясно и они понятны любому читателю. В то же время изобилие названий учебников по одной дисциплине не такое уж безобидное явление. Разнообразие названий позволяет авторам впихивать в учебники любые материалы, имеющие хоть какое-то отношение к экономике. Предмет экономической теории размывается, превращается в некое аморфное околonaучное явление, которое уже в принципе ничего объяснить не может. Это беда всей социально-экономической литературы.

К сожалению, таков результат деидеологизации экономической теории – отождествление понятий «политика» и принципиально иного термина – «идеология». В результате вместо «политической экономии» на свет появился предмет «экономика». Автор данной работы считает, что единственно верным выходом из этой ситуации является «вернуть науке ее классическое и единственно верное, научно обоснованное название – политическая экономия» [5, с. 13–14]. Давно прозвучал этот призыв, а ответа на него до сих пор нет. Пока же наша фундаментальная экономическая наука называется абстрактным термином «экономика», российские экономисты имеют возможность не очень обременять себя изучением глубинной сущности экономической теории. Увы, такая практика хотя и облегчает им задачу в некоторой степени, но все же приводит к исследованию только современного сиюминутного среза экономической действительности, а заодно и к курьезным и весьма печальным итогам. В одном из наиболее популярных российских учебников под названием «Экономика» читаем: «Трудно оспаривать утверждение, что деятельность людей, связанная производством разнообразных благ, существовала и в первобытном, и в рабочладельческом обществе. Однако собственно экономики там не было.

Производство материальных благ, например, в рабовладельческом обществе, при крепостном праве, в сталинскую эпоху в СССР было основано на насилии, принуждении, на тех методах, которые принято называть внеэкономическими. Экономика же появляется там и тогда, где и когда производство регулируется механизмами, которые основаны на ценовых сигналах, т.е. колебаниях рыночных цен, динамике прибылей и убытков и т.д. Все это – атрибуты рыночного хозяйства. Следовательно, строго говоря, экономика – это синоним не слова «производство», а синоним понятия «рыночное хозяйство» [6, с. 48–49]. Вне внимания авторов данного учебника осталось самое главное – первобытное общество, рабовладение и феодальное хозяйство, плоть от плоти натуральное хозяйство, в недрах которого медленно, но верно вызревало рыночное хозяйство. Натуральное хозяйство – это прежде всего производство для себя, не на продажу. Продаются только излишки производства. И совсем наоборот рыночное хозяйство – это массовое общественное производство на продажу. Не для себя – для других. Цель натурального хозяйства – обеспечить себя необходимым продуктом. Цель рыночного хозяйства – получить прибавочный продукт и, естественно, прибыль. Но и то, и другое – различные формы ведения хозяйства и на разных уровнях, что в переводе на древнегреческий язык означает – экономика. Как же в этих обществах могло не быть экономики? Что же касается плановой экономики СССР, которая после 1945 г. стала второй экономикой мира, то опровергать эту совершенно абсурдную идею авторов данного учебника просто не имеет смысла. Однако все это значит, что с появлением стольких нейтральных названий одной и той же науки возникла чисто научная проблема самоопределения и самоидентификации экономической теории. Возвращение к исконному ее названию – политическая экономия – снимет все эти околonaучные выверты современных экономистов.

В контексте заявленной темы перейдем к более частным случаям терминологической путаницы в экономической науке. В наиболее известном в мире учебнике по экономической теории П. Самуэльсона и У. Нордхауса «Экономика» постоянно подменяют друг друга два родственных термина «стоимость» и «ценность». Однако подумаем хорошенько – одно ли и то же это? Да, стоимость и ценность одинаково обозначаются в английском, французском и немецком языках: value, valeur, wert – соответственно. В силу особенностей русского языка, где термин «стоимость» имеет более определенную количественную окраску, используется именно этот термин. Термин же «ценность» в экономической литературе практически не используется, так как он имеет более значительную качественную окраску, которую в количество очень трудно перевести. Например, ценная идея, ценный кадр. Здесь очень сложно поставить вопрос – а конкретнее сколько? В указанных же иностранных языках они являются синонимами и выражают способность благ обмениваться на другие блага в определенных количественных пропорциях (меновые пропорции), тем самым создавая возможность рынку поставить обмен благ на твердую, эквивалентную количественно и взаимовыгодную качественно, основу. Однако здесь П. Са-

муэльсон и У. Нордхаус уже ни при чем. Представляется, что это погрешности российских переводчиков, недостаточно знакомых с экономической теорией, тем более на уровне таких тонкостей.

Другой, более яркий пример весьма существенного искажения содержания экономической терминологии. Как известно, маржиналисты исходят в своих исследованиях из принципа редкости ресурсов. Согласно ей человек, будучи помещен в хозяйственный мир с редкими ресурсами, вынужден постоянно выбирать из альтернативных вариантов ту или иную комбинацию редких ресурсов. Но почему именно редкость ресурсов? Может быть, ограниченность ресурсов? Между этими понятиями весьма содержательная, существенная разница.

Западные экономисты чаще всего употребляют термин «редкость», отечественные – «ограниченность». И российские экономисты, несмотря на шараханье из псевдомарксистской крайности в маржиналистскую более объективны. Сказывается образование, полученное ими в советское время. Оно было более фундаментальным, более теоретическим, а самое главное – более методологически выдержанным.

Дело в том, что на Западе, да и у нас, появились такие экономисты, которые «редкость» и «ограниченность» употребляют как взаимозаменяемые термины, синонимы. По большому счету – теоретически – это недопустимо. Чаще всего в дискуссиях между экономистами они употребляются в зависимости от предпочтений сторон. Достаточно часто понятие «редкость» употребляют в прямом смысле. Основополагающий классический пример, на котором базируется маржинализм, – мешки с пшеницей, парадокс А. Смита с бриллиантом и водой. Между тем совершенно очевидно, что редкость не может быть категорией рынка, так как последний (рынок) имеет дело с массовым производством, обслуживает сотни миллионов людей, и хотя ресурсы ограничены по отношению к совокупности их потребностей, которые необходимо удовлетворить, но вовсе не редки. В этом случае они всего лишь ограничены. Но они не являются таковыми даже по отношению к одной потребности, т.е. ограниченными. Об этом свидетельствует и сама маржиналистская теория, которая утверждает – и правильно, – что отдельную потребность можно удовлетворить, так как потребность имеет склонность насыщаться. Отсюда очевидно, что даже в рамках маржинализма все же правильнее говорить об ограниченности ресурсов, а не об их редкости.

Исторические факты прямо противоречат самому понятию редкости ресурсов. «Например, рабочая сила, трудовые ресурсы не являются редким ресурсом при капиталистическом способе производства, поскольку на планете почти 1 млрд безработных и численность их ежегодно увеличивается на 50 млн человек... Такой же алогизм существует и по отношению к производственным мощностям (в одном из видов капитальных благ, как его называют западные экономисты), поскольку они в развитых странах загружены на 75%. В целом, по оценке специалистов, в современных условиях производится такое количество продовольствия, которое в 4 раза пре-

вышает нормальные потребности людей, хотя в мире умирает от голода приблизительно 100 млн. человек ежегодно» [7, с. 17]. Отвлекаясь от политики западных стран, добавим, что проблема мигрантов в Европе возникла еще и потому, что им крайне необходима рабочая сила, которой там явно не хватает. Какая же это редкость ресурсов в экономическом смысле?

Что может быть редкостью? Результаты творческого труда, художественные произведения. Они стоят очень дорого, ибо уникальны. В данном случае они стоят ровно столько, сколько за них дают. И тут по отношению к таким продуктам труда маржинализм совершенно прав – они стоят столько, какова их предельная полезность. И снова ведь вопрос – можно ли анализировать стоимость уникальных картин с точки зрения маржинализма, если он предполагает дополнительную единицу продукции? Возрастающий или убывающий ряд благ. Следовательно, маржинализм предполагает наличие как минимум двух единиц блага. У первой единицы продукции не может быть ни предельной полезности, ни предельного дохода. (Очень интересный вопрос: если бы Леонардо да Винчи написал второй экземпляр Моны Лизы – один к одному, – сколько бы стоили эти две картины вместе?) Представляется, что не много. Но в действительности, эти картины не просто редки – они уникальны. Какая же тут ограниченность или редкость блага? На такие уникальные продукты труда (творческого труда), пусть даже редкие, совершенно другие правила установления цены.

Опустимся в своем анализе терминологии еще ниже – на уровень обычного сознания и посмотрим, как здесь происходит извращение экономической терминологии. Здесь бы не было особой беды, если бы эта терминология не переходила со временем в науку, извращая ее содержание. Чего стоят, например, термины «эффективные» и «неэффективные» рынки, «дешевые», «дорогие» и «справедливые» цены, которые на нас обрушиваются с экранов телевизоров? Увы, не только из уст не очень экономически грамотных журналистов, но и экспертов-экономистов. Как объяснить, что рынок является объективной экономической категорией и не приемлет никаких субъективных оценок, что рынки сами по себе не могут быть эффективными или неэффективными? Это действия субъектов рынка – индивидуумов ли, хозяйствующих ли предприятий или государства – могут быть эффективными или не очень, и эффективность действия указанных субъектов рынка зависит от знания и учета ими механизма действия законов функционирования рынка. Просто – экономических законов. Знающих законы рынок объективно поощряет, не знающих их – столь же объективно разоряет. Вот и весь сказ об эффективности рынка. Примитивно просто. Но чтобы понять это, необходимо глубокое знание экономической теории, истории и философии. А как, каким образом цены могут быть «дешевыми» или «дорогими»? Конечно, понятно, что хотят сказать этим субъекты рынка. Но очевидно, что дорогими или дешевыми могут быть товары на рынке, а цены на них – высокими или низкими, Справедливая цена является еще более абсурдным понятием в экономической теории, так как «справедливая» цена для одного субъекта сделки вовсе не является

таковой для другого субъекта. Недоумение вызывает регулярно возобновляемая дискуссия в экономической литературе о различиях между понятиями «затраты», «издержки» и «расходы».

Однако вернемся к анализу заявленной проблемы на уровне теории и методологии и сначала обратимся к представителю куда уж более конкретной экономической науки – бухгалтерского учета, где, казалось бы, все предельно точно выражено в конкретных показателях и числах. Оказалось, ничего подобного. «Создание качественных нормативных актов невозможно без единой и непротиворечивой терминологии, – пишет К.Ю. Цыганков. – В процессе же их разработки выяснилось, что такой терминологии не существует. До сих пор не удалось найти даже определение самой бухгалтерии и многих важнейших, постоянно используемых бухгалтерами понятий... Парадоксально, но факт, что бухгалтерии (самой науке. – В.Б.) до сих пор не сумели дать определения» [8, с. 14].

То, что российская система высшего образования находится в перманентном состоянии реформирования, создает дополнительные условия для вакханалии околонучной терминологии. Каждый последующий этап реформы привносит в систему образования все больше неопределенности, неконкретности. Чего стоит, например, определение конкретного содержания общенаучных и профессиональных компетенций. Формулировки такие общие и ничего не значащие, что с успехом из них можно вывести как требования к специалисту в области экономических наук, философии, социологии, так и требования к специалистам по физике, химии, архитектуре и т.д. За совершенно правильными, но слишком общими формулировками содержательного ничего нет. Такая всеядность и неопределенность гуманитарных и социально-экономических дисциплин вытекает из-за отказа от твердых методологических корней политической экономии, философии и естествознания на самом высоком уровне, отказа от методологии научных исследований, развития теории.

Ведь правильно найденная научная методология исследования дает нашедшему ее исключительные, прямо-таки монопольные возможности и право на поиск научной истины, некий золотой ключ, открывающий двери в чрезвычайно интересные просторы научного поиска. Поиск методологии – настоящее искусство, основанное на глубоких знаниях, позволяющих избегать ошибок. Это аксиома.

Пренебрежение учеными методологией всегда имеет один и тот же результат – отсутствие каких-либо научных достижений, схоластику, переливание из пустого в порожнее, топтание на месте. Отсюда и столь часто встречающаяся в экономических работах наукообразность, витиеватость изложения материала. Авторы больше пытаются скрыть, чем открыть и сказать. Без переводчика с «русского языка на русский» читателю сложно понять, что хотел сказать автор. А в терминологии, особенно в методологической, большинство авторов не могут разобраться сами. Как же они могут ее объяснить читателю? Особенно «достается» в этом смысле термину «парадигма», который используется и по делу и без дела. Лишь бы блеснуть кра-

сивым словом. Сколько раз мы слышали и читали вольное обращение с понятием парадигмы. Вплоть до «частой смены парадигмы в хозяйственной деятельности птицефабрики» на защите одной кандидатской диссертации. Остановимся на данном термине более подробно и попробуем показать на этом примере важность одинакового понимания научной терминологии.

Парадигма – важнейшая категория в научном познании, его мощнейший инструмент, без чего не может быть полноценного научного исследования. Парадигма (от греческого – пример, образец) – теория, принятая в качестве образца решения исследуемых задач [9, с. 477].

В философии науки понятие парадигмы было предложено Г. Бергманом для определения нормативной методологии, а также правил и канонов ведения исследовательской работы. Однако представители всех направлений социальных и гуманитарных наук пальму первенства в исследовании самой парадигмы отдают Т. Куну, американскому историку физики, он «под парадигмами подразумевал признанные всеми научные достояния, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [10, с. 17].

Подтверждая идею, высказанную в философской энциклопедии, Т. Кун пишет, что парадигма «является источником методов проблемных ситуаций и стандартов решений, принятых неким развитым научным сообществом в данное время» [10, с. 142]. Т. Кун в дальнейшем конкретизирует понятие парадигмы в «дисциплинарную матрицу» и ее компоненты – символические обобщения, научные ценности, образцы решения исследуемых задач. «Другими словами, – пишет А.М. Орехов, – парадигма – это нормы и образцы научного мышления, приобретающие в данном научном сообществе характер традиции... определяющие научные стереотипы, шаблоны мышления, в рамках которых ученые в тот или иной период решают свои исследовательские задачи» [11, с. 47].

В приведенных определениях есть общее понимание парадигмы как некоего скелета научного познания, общего методологического его направления, выход за рамки которого будет искажать истинность этого исследования. Иначе говоря, если выходить за рамки этого образца, скелета научного исследования, неизбежно исследователь займется схоластикой, так как он окажется в поле действия другой парадигмы. Но две парадигмы несовместимы, ибо не может быть двух образцов мышления в одной методологии, так же как не может быть и двух ее скелетов как образцов решения исследовательских задач.

Именно поэтому смена парадигмы означает научную революцию. В соответствии с этим Т. Кун определил научную революцию как этап развития науки, когда одна парадигма меняется на другую: «Как только исходная парадигма, служившая средством рассмотрения природы найдена, ни одно исследование уже невозможно в отсутствие парадигмы, и отказ от какой-либо парадигмы без замены ее другой, означает отказ от науки вообще» [10, с. 114]. Таким образом, совершенно очевидно, что науки без определенной парадигмы нет и не может быть, ибо парадигма вырабатывается определенной мето-

дологией исследования, задающей ей направление. Именно поэтому так важно понимание не только места парадигмы в научном исследовании, но и само понятие «парадигма». До тех пор пока средства, предоставляемые парадигмой, позволяют успешно решать научные проблемы, порождаемые ею, наука продвигается успешно и проникает на самый глубокий уровень явлений, уверенно используя эти средства. Причина этого вполне ясна. Как и в производстве, в науке смена инструментов – крайняя мера, к которой прибегают лишь в случае действительной необходимости. Значение кризисов науки заключается в том, что они говорят о своевременности смены инструментов [10, с. 111].

Парадигма выполняет две функции: познавательную и нормативную. Познавательная функция очевидна, так как сама новая парадигма является не только средством получения новых знаний, но и является новым знанием. Нормативная функция парадигмы заключается в установлении ею новых форм исследования, находящихся воплощение в новых методах исследования, идеалах, ценностных установках в познавательной деятельности. «Осваивая парадигму, ученый овладевает сразу теорией, методами и стандартами, которые обычно самым тесным образом переплетаются между собой. Поэтому, когда парадигма изменяется, обычно происходят значительные изменения в критериях, определяющих как правильность выбора проблем, так и предлагаемых решений» [10, с. 148].

Теперь проиллюстрируем вышесказанное и сравним две парадигмы, сменявшие одна другую. Эта смена парадигм, естественно, названа научной революцией в экономической теории и совершенно справедливо.

1. Классики политической экономии в лице А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса в своих исследованиях исходили из примата производства в жизни человеческого общества. Общественное производство они рассматривали в такой логической цепи: *производство – распределение – обмен – потребление*, подчеркивая принципиальную позицию, что труд является источником всякого богатства.

Маржиналисты к экономической действительности подошли с другой, обратной стороны: *потребитель – потребность – полезность – спрос (потребление) – цена – предложение (производство)*. Принципиальная позиция нового учения заключалась в постановке человека, его переживаний, потребностей в центр всякого производства в качестве главной цели экономической деятельности.

2. Классики исходили из объективных экономических закономерностей развития, а маржиналисты – из субъективно-психологических переживаний потребителя. Согласно маржиналистам сфера потребления – главный фактор, устанавливающий пропорции товарного обмена. Классики изучали предложение (производство) и от него выходили на спрос. Но и то и другое у них – категории объективные, так как основываются на производственных затратах (издержках производства).

Маржиналисты исходят из спроса – субъективного восприятия блага индивидом. Отсюда вместо объективной потребительной стоимости – субъективная полезность, вместо стоимости товара – ценность блага.

3. Если классики основывали свои исследования на средних величинах, которые считались общественно «нормальными» (например, определение стоимости ОНЗТ), то маржиналисты – на предельных (маргинальных) величинах: предельных приращениях или предельных убываниях запасов блага. При этом если первые обходились простой арифметикой, то вторые использовали в экономике мощнейший математический аппарат, особенно функциональный анализ.

Тем не менее в теории предельной полезности однозначного, количественного определения полезности и ценности нет. Однако маржиналисты пришли к общему выводу, если не к компромиссу – ценность (стоимость) блага формируется при столкновении предельных оценок полезности блага покупателями и продавцами. Цены на товары формируются, следовательно, на базе спроса и предложения. Однако констатируем непреложный факт – маржиналисты – основатели теории предельной полезности за 150 лет ее существования и постоянного совершенствования так и не смогли определить количественно ни полезность, ни ценность. По их мнению, мы просто в эти понятия должны верить, что они есть. Априори, аксиоматично.

Объективную классическую экономическую теорию с субъективистским маржинализмом органически соединил А. Маршалл в своем знаменитом, теперь всем экономистам хорошо знакомом «кресте» Маршалла. В нем предложение объясняется с точки зрения процесса производства, а спрос – с точки зрения предельной полезности блага. Но он не разрешил противоречия между двумя парадигмами.

Таким образом, парадигма классической политической экономии выглядит так: *производство (рабочее время – труд – ОНЗТ – стоимость – прибавочная стоимость – прибыль) – распределение (в соответствии с отношениями собственности) – обмен – потребление*. И здесь главное в экономике человек, именно на его потребности ориентировано производство. Человек не забыт классиками.

К. Маркс внес в эту парадигму уточнения. Не просто труд определяет стоимость продукта, а общественно необходимый труд. Не просто прибыль является целью капиталиста, а производство прибавочной стоимости. Далее следовали революционные выводы. Но и выводы – политические и идеологические – делались из парадигмы экономической теории.

Маржиналисты выстроили свою, вполне логичную, стройную теорию, сердцевиной которой является вышеописанная парадигма: *потребитель – потребность – спрос (потребление) – полезность – цена – предложение (производство)*. Очевидно, из этой парадигмы революционных выводов не следует. Что и было изначально главной целью маржиналистов.

В экономической теории, забывая или вовсе не зная сказанного выше, по любому дискуссионному вопросу различают разное количество парадигм, следовательно, разное количество научных революций. Так, например, О.И. Ананьин приходит к выводу, что в истории экономическая теория пережила четыре парадигмы:

1. Классическая политическая экономия, изучавшая историю и практику производства богатства.
2. Историко-институционалистская парадигма, которая исследовала экономические институты и их историю.
3. Маржиналистская парадигма, исследующая мир хозяйствующих субъектов.
4. Эклектическая парадигма, проповедующая разнородную методологию [12, с. 10].

Ничего против не имею в отношении первых трех парадигм. Четвертая же парадигма – эклектическая – говорит о весьма оригинальном понимании автором понятия «парадигма». Этого в науке по определению не может быть. По моему глубокому убеждению, сама суть, содержание понятия «парадигма» восстают против такого его понимания. Ибо парадигма – образец, скелет научного исследования. Пример научного подхода к исследуемым проблемам. Исследование должно быть истинным, объективным, достоверным и простым. Эти принципы реализуются только при твердой, научно обоснованной методологии, чьей сердцевиной и является парадигма. Нельзя рассматривать один аспект проблемы, например, определения стоимости с точки зрения классической политической экономии, а издержек производства – маржинализма. Получится «в огороде бузина, а в Киеве – дядька». Выше было показано, как две различные, противоположные методологии исследования реальной действительности принципиально отличаются во всем: в постановке проблемы, методах ее разрешения, инструментарии исследования и т.д. Эклектическая парадигма представляется автору данной работы нонсенсом в научном отношении. Недаром в науке эклектика всегда порицалась.

А уважаемый г. Орехов, менее чем на пять сменившихся парадигм в экономической теории не согласен. Он, на мой взгляд, новой парадигмой в экономической теории считает серьезное открытие в ней, весомое приращение знаний. Так, например, он пишет: «Что касается научных революций, то, на наш взгляд, необходимо говорить как минимум о пяти революциях в истории экономической мысли: 1. Смито-Рикардианской; 2. Марксистской; 3. Маржиналистской; 4. Кейнсианской; 5. Консервативно-монетаристской». Профессор Орехов серьезно преувеличивает роль и значение монетаристской концепции в экономической теории. Да, действительно, М. Фридман получил Нобелевскую премию за разработку теории монетаризма, которая из-за своих многочисленных допущений и упрощений стала весьма сомнительной в чисто научном отношении. Да, это новая точка зрения в управлении экономикой через регулирование государством количества денег в обращении. Даже открыто «денежное правило» М. Фридмана, предполагающее эмиссию денег в 3–4% в год без опасности возникновения инфляции. Это очень солидная, достаточно стройная экономическая теория. Не более. Ведь другой американский экономист Р. Лукас доказал, что все допущения в теории М. Фридмана несостоятельны. Особенно допущение о постоянстве скорости обращения денег, кото-

рое было системообразующим допущением. Без постоянства скорости денег монетаризм не «работает». За что, между прочим, Р. Лукас тоже получил Нобелевскую премию «За возражение Лукаса». Странная какая-то получается парадигма, которую так легко можно опровергнуть. Можно ли опровергнуть парадигму? Конечно же, нет! Парадигму можно сменить в результате действительной научной революции, а вот опровергнуть – нет. Опровергнутое исчезает или теряет свою научную ценность, а смененное является этапом в развитии науки и остается в анналах экономической истории и истории экономических учений.

Это касается кейнсианства. Дж. Кейнс высказал революционную мысль о государственном регулировании экономики в условиях рыночной экономики и частной собственности, которые предполагают с объективной необходимостью свободу предпринимательства и выбора. Доказал эту мысль и показал, через какие рычаги это регулирование необходимо осуществлять. Но все эти революционные идеи ложились в русло хорошо знакомой теории маршаллианства – синтеза классической политической экономии и маржинализма – экономикс. Никакой смены парадигмы здесь не произошло. Кстати, Дж. Кейнс на это и не претендовал.

Таким образом, связь между теорией, ее методологией, парадигмой и терминологией очевидна. Чем четче и яснее эта связь чувствуется в любой научной работе, тем работа более конкретна, понятна и результативна. И наоборот.

Литература

1. *Баликов В.З.* Общая экономическая теория : учеб. пособие. Новосибирск : ТОО «ЮКЭА» ; НПК «Модус», 1996. 412 с.
2. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М. : Мишель и К., 1993.
3. *Афанасьев В.В., Грибкова О.В., Уколова Л.И.* Методология и методы научного исследования. М. : Юрайт, 2017.
4. *Лебедев С.А.* Методология научного познания : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2017.
5. *Валовой Д.В.* Рыночная экономика: возникновение, эволюция и сущность. М. : Инфра-М, 1997.
6. *Курс экономической теории* / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров : АСА, 1999.
7. *Мочерный С.В., Некрасов В.В.* Политическая экономия. М. : Книга-сервис, 2007.
8. *Цыганков К.Ю.* Очерки теории и истории бухгалтерского учета. М. : Магистр, 2007.
9. *Философский энциклопедический словарь.* М. : СЭ, 1983.
10. *Кун Т.* Структура научных революций. М. : АСТ, 2009.
11. *Орехов А.М.* Методы экономических исследований. М. : ИНФРА-М, 2009.
12. *Ананьин О.И.* Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного общества // Вопросы экономики. 1992. № 10.

Balikoev V.Z., Doctor of Economics, Professor, Novosibirsk state University of Economics and management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: balikoev1941@yandex.ru

IN SCIENTIFIC RESEARCH SHOULD BE USED SCIENTIFIC TERMINOLOGY

Keywords: terminology, method, methodology, paradigm, category, scientific knowledge, scientific revolution.

DOI: 10.17223/19988648/45/1

The article discusses the relationship between the terminology of economic Sciences and research methodology. It is argued that the terminological features peculiar to each methodology and expressed by the paradigm of an economic doctrine. Accurate unambiguously understood scientific terminology is a sign of a well-developed scientific theory, its methodology and paradigm. Scientism, the ornateness of exposition and scholasticism begins where the vague and unclear terms expressed, methodology and paradigm theory.

References

1. Balikoev V.Z. Obshchaya ehkonomicheskaya teoriya. Uchebnoe posobie. Novosibirsk: TOO «YUKEHA». NPK «Modus», 1996. 412 s.
2. Gumilev, L.N. Etnogenez i biosfera zemli. M.: Mishel' i K., 1993 g.
3. Afanas'ev, V. V. Metodologiya i metody nauchnogo issledovaniya/ V. V. Afanas'ev, O.V. Gribkova, L. I. Ukolova. M.: YUrajt, 2017.
4. Lebedev, S. A. Metodologiya nauchnogo poznaniya: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury. M.: YUrajt, 2017.
5. Valovoj, D. V. Rynohnaya ehkonomika: vzniknoenie, ehvoluciya i sushchnost'. M.: Infra-M, 1997.
6. Kurs ehkonomicheskoy teorii/ Pod red. M. N. Chepurina i E. A. Kiselevoj. Kirov.: ASA, 1999.
7. Mochernyj, S. V. Politicheskaya ehkonomiya/ S. V. Mochernyj, V. V. Nekrasov. M.: Kniga – servis, 2007.
8. Cygankov, K.YU. Ocherki teorii i istorii buhgalterskogo ucheta. M.: Magistr, 2007.
9. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'. M.: SEH. 1983.
10. Kun T. Struktura nauchnyh revolyucij. M.: AST. 2009.
11. Orekhov A. M. Metody ehkonomicheskikh issledovanij. M.: INFRA-M. 2009.
12. Anan'in O. I. Ekonomicheskaya teoriya: krizis paradigmy i sud'ba nauchnogo soobshchestva // VEH. 1992. №10.

For referencing:

Balikoev V.Z. V nauchnom issledovanii dolzhna ispol'zovat'sya nauchnaya terminologiya [In scientific research should be used scientific terminology]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2019, no. 45, pp. 6–18.